

Аксаков Иван Сергеевич Статьи из Паруса aksakovivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://aksakovivan.ru/> Приятного чтения!

1

Выпуская в свет первый номер нашей газеты, мы считаем не только не лишним, но и необходимым: прежде всего оглядеться, отдать самим себе ясный отчет в нашем положении, установить, если возможно, раз навсегда наши отношения, не к публике, не к читателям, а к тем, или к тому... Как бы выразить это половчее?.. К тому, что на условно-литературном языке разумеется под "обстоятельствами, от редакции не зависящими"... Не скроем от читателя, что плавание предстоит нам трудное и опасное, да и ветры с севера дуют не совсем попутные. Опытные пловцы обыкновенно начинают тем, что измеряют глубину, изучают дно, берега и течение воды. Но рассказывают, что на Волге чрезвычайно мудрено составить карту речного дна и промеров; отмели и подводные камни беспрестанно меняются, и бедные лоцманы никак не могут приноровиться к своенравию могущественной реки: нынче в таком-то месте течение свободно, нет преград для плавания, завтра нежданные-негаданные мель или камень; нынче - глубина воды, легко поднимающая самые тяжелые суда, завтра подует "выгонный" ветер и налет мелководье! И хорошо еще, когда лоцман успеет вовремя заметить опасность, остережётся, принять спасительные меры, но часто случается, что понадеется он на свою догадку и знание, обманется внешним видом воды - и управляемое им судно садится на мель или разбивается о камень. Мы отчасти находимся в таком же положении.

При всем нашем желании совершить спокойное плавание, при всем старании изучить свойства местности и погоды, мы не раз испытывали нечто вроде кораблекрушения и потому, не доверяя своему искусству, сознавая несостоятельность в настоящем случае всяких логических выводов и соображений, мы обращаемся просто с заклинанием ко всем подводным владыкам, духам и демонам, древним и новым, чужим и доморощенным, от Нептуна с его трезубцем до русского синего водяного, с тритонами, nereидами, русалками и со всем их причтом: да даруют они нам плавание ровное и безмятежное, да покоятся смирно в своих кристальных чертогах, не всплывая наверх, не пугая пловцов, не воздвигая подводных преград, а с ними вместе стремнин и водоворотов, всегда и всегда опасных!

Вы смеетесь, читатель, но нам, право, не до смеху. С искренней радостью приветствуя наше богатое надеждами время, мы однако вынуждены сознаться, что эпоха, в которую мы живем, многозначительная и великая по своим последствиям, с высоты исторического созерцания, представляет, тем не менее, в ежедневной жизни, много странных, противоречащих явлений, имеет такие стороны, которые подчас очень и очень невыгодны для отдельных лиц и частных случаев. Примеров искать не далеко. Люди, стоящие во главе, нередко одушевлены самыми благими намерениями, но исполнители плохи или неискренни, и доброе на деле выходит вредным. Состарившиеся опекуны, после долгой, все сроки перешедшей опеки, ревниво и с недоумением смотрят на своих бывших питомцев: как это они ходят сами, без помочей, и бумаги подписывают, и имуществом распоряжаются! Все сделалось щекотливо и обидчиво до крайности. Раздраженные фантазии создают чудовищные призраки, которыми пугают и себя и других. Создается необходимость гласности и общественного мнения, сознается даже и отсталыми, но, привыкнув к долголетнему шепоту, эти несчастные самую скромную речь, произносимую самым обыкновенным голосом, поражаются, будто раскатами грома. Да и слова у них в ушах отдаются как-то иначе. Особенно странный резонанс в Петербурге, и к законам петербургской акустики мы никак не могли приладиться. Лучшим для нас доказательством служат те ложные толкования, которым подверглось наше собственное объявление о "Парусе". Поверят ли читатели... Да нет, мы и сами отказываемся верить, мы даже с некоторым негодованием отвергаем это, как клевету; поверят ли, будто нашлись люди, которые наше выражение: "знамя народности" сочли чуть не преступлением! Они не поняли, что это известный литературный оборот речи, означающий принцип, начало; они вообразили, что чуть ли мы не соорудили настоящего древка с полотном и выставили его над домом, занимаемым редакцией. Против таких обвинений не обережешься!..

Но оставим шутки.
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно!

Неужели еще не пришла пора быть искренним и правдивым? Неужели еще мы не избавились от печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже

Аксаков Иван Сергеевич Статьи из Паруса aksakovivan.ru

мой, можно будет, согласно с требованием совести, не хитрить, не выдумывать иносказательных оборотов, а говорить свое мнение прямо и просто, во всеуслышание? Разве не довольно мы лгали? Чего довольно изолгались совсем!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свету не давалось людям, когда жизнь притаилась и смолкла, и в пустынном мраке пировала и величалась официальная ложь, одна – владыкою безмолвного простора! Но ведь это время прошло! Или мы еще не убедились, что постоянное лганье приводит общество к безнравственности, к бессилию и гибели? Или уроки истории пропали для нас даром?

Разве не выгоднее для правительства знать искреннее мнение каждого и его отношения к себе? Гласность, лучше всякой полиции, составляющей обыкновенно ошибочные и бестолковые донесения, объяснит правительству и настоящее положение дел и его отношения к обществу, и в чем заключаются недостатки его распоряжений, и что предстоит ему совершить или исправить. Горячо убежденные в пользе гласности, веруя в возможность преобразований путем мирным и разумным, мы постараемся излагать наши мнения в "Парусе" с полной откровенностью и подавать постоянно свой голос при разрешении всех современных общественных вопросов, разумеется всегда почтительный и скромный, но вполне независимый и свободный. Неужели нам это не будет дозволено? Попробуем. Если же наша газета сядет на мель, то пусть знают читатели наперед, что виною тому не редакция, а распоряжения, стесняющие искренность слова, что еще, видно, не созрела пора для безоглядной правды...

Еще два слова. К чему подобное вступление, скажут нам многие очень умные люди; что за нескромность, зачем такой шум и треск, что за важная вещь – какая-нибудь ничтожная газета? Не лучше ли было бы, не трата громких слов, начать свое дело тихо и скромно, заслужить доверие постепенно, дельностью и серьезностью? Конечно, так; мы бы ничего лучше и не желали. Но есть причины, по которым мы сочли себя вынужденными написать такое странное "вступление". Во-первых, мы не сознаем за собою той особенной ловкости, того искусства выражений, которое умеет не подать повода к придирке даже самым придирчивым людям. Того и гляди проговоришься и скажешь какое-нибудь слово, которое, Бог весть почему, раздражит и раздражит наших щекотливых и подозрительных недоброжелателей. Бог с ними! Так как нам нечего стыдиться наших убеждений, то гораздо выгоднее вести дело начистоту, вполне открыто. Во-вторых, нам уже донельзя опротивела эта постоянная прискорбная необходимость притворства, изворотливости, осторожности; есть что-то крайне оскорбительное, и унижительное в этой обязанности справляться, как поймет такую-то фразу Бебе, как покажутся такие слова Биби и т. п. В-третьих, мы имеем некоторое основание думать, что наша газета будет пользоваться, конечно, весьма лестным, но не совсем выгодным, усиленным вниманием лиц, не слишком дружественно к ней расположенных и готовых объяснять каждое ее слово в дурную сторону. Так, например, мы почти заранее убеждены, что эта наша передовая статейка породит множество самых ложных толкований; что найдутся, пожалуй, и такие неблагонамеренные люди, которые опрокинут (разумеется, не с литературной точки зрения) и на некоторые помещаемые вслед за сим статьи и стихотворения, тогда как они, по мысли и цели своей, самые строгие, самые миролюбивые... Они проникнуты уважением к святости человеческого звания, они указывают на путь свободного разумного развития, как на единый мирный и способный отвратить опасности, вызываемые грубою силою... Нападать на эти статьи – значит сочувствовать грубой силе, а сочувствовать грубой силе – значит желать своему отечеству опасных бурь и волнений, к которым, напротив, мы питаем глубокое отвращение...

Итак, с искренним желанием мира и тишины, с надеждою принести и нашим изданием посильную долю пользы русскому образованию, пускаемся мы в наше многотрудное плавание... Пожелайте же нам, читатели, попутного ветра!

2

С полной искренностью речи приступим теперь к исполнению нашей программы и попытаемся целым рядом передовых статей уяснить читателям точки зрения "Паруса" на существеннейшие вопросы русской жизни; его отношения к задачам и событиям нашей современной действительности.

Странная, странная эпоха, в которую мы живем! И радуешься и боишься, и сочувствуешь ей и беспреестанно поражаешься уродством, безобразием, аномалией современных явлений! Эпоха попыток, разнообразных стремлений, движения вперед, движения назад; эпоха крайностей, одна другую отрицающих, деспотизма науки и

Аксаков Иван Сергеевич Статьи из Паруса aksakovivan.ru

теории над жизнью, отрицания науки и теории во имя жизни; насилия и либерализма, консервативного прогресса и разрушительного консерватизма, раболепства и дерзости, утонченной цивилизации и грубой дикости, света и тьмы, грязи и блеску! Все в движении, все в брожении, все тронулось с места, возится, копошится, просится жить! – И слава Богу! Что может быть выше, прекраснее, законнее этого требования?.. Но в то же время всматриваясь пристальнее, вы невольно смущаетесь мыслью, что цветущая зелень, покрывшая ниву, еще не хлебные зеленя, медленно и туго пробивающие земную поверхность, что это, может быть, только сорные травы, заглушающие ход плодотворных зерен, что много потребуется тяжелого труда для очищения нивы от посторонних скороспелых произрастаний... Все недовольно, все кричит о прогрессе, о преобразованиях, улучшениях, усовершенствованиях, искоренениях, нововведениях. Нетерпеливые прогрессисты нашего образованного общества, перетрогали чуть не все клавиши, чуть не все струны громадного инструмента и оглашают воздух таким страшным диссонансом, такой разладицей звуков, которая, без сомнения, в тысячу раз отраднее храпенья и сопенья целых миллионов сонного населения, но за которую подчас не слышно ни основных тонов жизни, ни строгой серьезной речи народа. – Как не желать улучшений, как не сочувствовать прогрессу! Но беда в том, что наше общество, порвавшее связь с преданиями, отторгнутое от народной жизни, сознавая потребность преобразований, в то же время забывает, что только то прочно и плодотворно, что вырастает органически, изнутри, держится корнями за народную почву, связано с бытом, преданиями, историей, со всем духовным строем народной жизни.

Беда в том, что присущий петровской реформе элемент презрения к народной жизни глубоко проник в наше образованное общество, и каждый из членов его готов сделаться деспотом во имя общего блага, во имя свободы, во имя гуманизма и науки. Как по большей части относятся к прогрессу наши доктринеры-чиновники, чиновники *сop amore*, молодые ученые, смотрящие администраторами и т.д.? Не отдавая себе никакого отчета в действительных потребностях русской земли, даже не считая этого нужным, не понимая и не желая понимать основ народной жизни, веруя безусловно в преимущество европейской цивилизации, они с жадностью хватаются за разные образчики европейского прогресса: французские, немецкие, английские и проч. Нужно, например, преобразовать нам гражданское или уголовное судоустройство. Вот и думают наши прогрессисты: какое бы из судоустройств выбрать: не то прусское, не то французское? Или уж сардинское с примесью голландского? А ведь не дурно бы и английское? – Точь-в-точь Агафья Тихоновна в "Женитьбе" Гоголя, когда она говорит, что если бы губы Никанора Ивановича приставить к носу Ивана Кузьмича, да прибавить дородности Ивана Павловича, да взять ноги Петра Матвеевича, так куда красивый вышел бы мужчина! – Никому из них и в голову не приходит, что прежде всего не мешало бы узнать поближе потребности и юридические воззрения народа, которому придется питаться так великодушно состряпанным для него винегретом; что только тот закон может быть полезен, который является органическим продуктом народной жизни, вытекает из общественного сознания, а не падает как снег на голову!

Пожалуй, найдутся и такие люди, которые в "патриотическом" усердии к прогрессу, и для того чтобы уже нам вполне догнать западные народы в состоянии были бы даже посягнуть (если б это было возможно) на наши общины с общинным землевладением и ввести начало личной поземельной собственности, на манер английского фермерства или французских мелких собственников! Для них, проповедующих уважение к личности человеческой, народ *tabula rasa*, гладкая доска, на которой вырезывай резцом что хочешь! Никогда не были они одержимы таким беспокойным зудом преобразований, как в настоящую минуту. Уроки истории им решительно нипочем. – Петр I перенял у немцев формы административные, формы судоустройства, делопроизводства и т. п. Похвалиться всем этим, кажется, мы не можем; несостоятельность такой пересадки, безобразия данных ею плодов не отвергаются и самыми яркими защитниками его реформы. Весь этот насажденный вертоград подсох, валится и накрывает почву русской земли толстым слоем гнилого хлама. И что же? Общество наше, или, по крайней мере, эти господа доктринеры не прочь и теперь возобновить эпоху Петра I, разумеется, в других формах, но в том же духе презрения к народной жизни. Несмотря на полусторолетнее доказательство бесплодности и вреда подобных попыток, того и гляди повторятся петровские же ошибки, с тою разницею, что вместо немцев мы обратимся к французам, вместо камеры или коллегии какой-нибудь заведем "бюро", вместо магдебургского права возьмем французское муниципальное устройство. Немецкий кафтан очевидно ползет врозь, не годится, давай нарядимся во французский! Разумеется, и французский не придется по плечам русского народа, и непременно лопнет, лопнет и по швам и по цельных местах, что приведет в страшное негодование наших цивилизованных чиновников.

Разумеется, новые насаждения в свою очередь лягут на старый хлам слоем нового хлама... Но долго ли же это будет продолжаться? Или над этим слоем суждено лечь еще новому хламу, английскому или еще другому какому-нибудь? Трудно же будет раскапывать все эти слои, чтобы добраться наконец до материка, в котором одном и заключается вся сила!..

"Итак, чего же вы хотите? Вам не нравится современный дух преобразований, вы враги прогресса!" – так зазвонят многие наши литературные противники. Ничуть не бывало. Нас не менее их возмущает современная мерзость; мы желаем и прогресса, и преобразований, но мы хотим в то же время, чтобы они не были порождением отвлеченных бесплотных систем или слепого подобострастного отношения к жизни, нам чуждой и развившейся по другим началам. Мы хотим, чтоб сама жизнь пустила ростки, а для этого необходимо очищать и очищать ниву от сорных трав, густо на ней засевавших, необходимо давать ее росту простор, простор, как можно более простора, вопрошать смиренно ее тайны, проникаться ее внутренним смыслом. Иначе, что бы вы ни делали, все ваши усилия останутся тщетными: вы можете изуродовать, исказить жизнь, но не добьетесь от нее здорового плода, не вызовете ее к самобытному творчеству в чуждом ей духе. Кажется, все это просто и ясно... до пошлости! А между тем приходится повторять эти истины и нашим ученым доктринерам, и служащему и неслужащему образованному обществу, мало того – большей части наших журналов, тощих и толстых! Вполне признавая историческую законность современной эпохи брожения и преобразований, повторяя вместе с другими "вперед!", мы думаем, однако, что единственным спасительным путеводителем и компасом в этой путанице, в этом хаосе разных стремлений, явлений и запросов может быть для нас только народность в самом обширном смысле этого слова, то есть в смысле ее духовных и нравственных начал.

Но мы опять заговорились. Читатели уже из сказанного нами могут видеть, с какой точки зрения будем мы обсуживать совершенные и совершающиеся преобразования. – Впрочем из числа их есть одно, которое не подходит под общее определение; оно составляет самое крупное явление современной истории, преобразование самое существенное, самое жизненное, громадное по своему размеру, необъятное по своим последствиям: это уничтожение крепостного права. Однажды совершенное, оно поставит нас лицом к лицу с крестьянином, внесет в жизнь нашего "образованного" общества стихию народную, смысл жизни действительной; оно сделает смешными и невозможными всякие покушения наших самонадеянных доктринеров вылепить из народной массы ту или другую форму, по своему усмотрению. Не вдаваясь в многосложные подробности крестьянского дела, мы в следующем же номере передадим читателям некоторые сведения о внешнем положении вопроса и наши мысли о необходимых условиях его успешного разрешения.

В заключение скажем, что 3 января начались в Москве дворянские выборы. О результате их, если возможно, мы сообщим читателям в свое время, а теперь заметим к чести дворян, что они с видимым удовольствием называют эти выборы последними выборами фшевладельцев. Да, уже не долго вам ждать, благородные дворяне! Еще немного терпения, и вы скинете с себя так ненавистное вам звание душевладельцев!

Теперь было бы кстати написать историю выборов дворянства Московской губернии; разумеется, историю не одного избрания в должности, но и всей деятельности дворянской на пользу губернии, а следовательно и всего отечества, так как, по силе 112 и 135 статей Т. IX Св. Зак. изд. 1857 г., предоставлено дворянству право подавать мнения о "своих нуждах и пользах, о прекращении местных злоупотреблений, об устранении неудобств в местном управлении, происходящих даже от общего какого-либо постановления". Любопытно знать, как воспользовалось этим правом дворянство в течение 70 лет?..

Статья, предназначавшаяся к помещению в третьем номере газеты "Парус"

Итак, читатели, обратимся теперь к нашему великому современному вопросу, скажем несколько слов о внешнем положении великого крестьянского дела.

Что бы ни говорили, а нам кажется, что этот вопрос на хорошей дороге. Разумеется, с дороги можно и сбиться – за это ручаться нельзя; можно, испугавшись мнимо неодолимыми препятствиями и поверив страшным робких и ленивых ямщиков, взять в объезд и заблудиться... Но если твердо держаться пути, который был принят с самого начала, то он непременно приведет к цели, – мы в том

уверены. Этот путь – путь свободного совещания. Конечно, что и толковать: дорога не расчищена, засажена хворостом, заросла бурьяном, местами идет по целику; гор, оврагов, ухабов, ям, рытвин, песку, грязи, трясин – всего вдоволь, кони непривычные, – все это так, но сохрани Бог сойти с дороги! Всем этим смущаться нечего! Нужно терпение и терпение, нужно вспомнить, что дорога прокладывается новая, и если и не новая, так такая старая, о которой и память историческую у нас почти совсем отшибло; нужно только верить, верить верою неистощимой в святость истины, в могущество правды, в победоносную силу разумной мысли, а главное – нужно уметь не поддаваться льстивым речам торопливых угодников, не уступить соблазну, не прельститься. Это очень трудно, без сомнения, но устоять против таких соблазнов, против искушения, решить дело скоро, проворно, с самонадеянною уверенностью в своей правде, уметь добровольно ограничить себя и сдержать в себе привычные порывы будет истинно высоким нравственным подвигом. Да, путь свободного совещания есть единый нравственный, разумный и мирный, который может привести к мирному, разумному, нравственному решению этой великой социальной, всемирно-исторической задачи.

В этом отношении мы, кажется, вполне входим в разум действий нашего правительства, призвавшего к участию в разрешении крестьянского вопроса сословие помещиков и дозволившего гласное обсуждение вопроса печатною литературою. Сорок восемь комитетов, совещающихся о великом деле, – явление утешительное и давно небывалое на святой Руси! Но нельзя не пожалеть, что комитеты, или по крайней мере многие из них, не вполне, кажется, воспользовались предоставленною им свободою совещаний. Единственное разрешение крестьянского вопроса заключается в выкупе у помещиков земли в собственность крестьянских общин. Ничто, кажется, не препятствовало приступить прямо к обсуждению средств и способов выкупа, как это и сделал Тверской комитет, которому и принадлежит честь инициативы или зачала в этом деле. Но неизвестно, почему прочие комитеты сочли себя не вправе рассуждать о выкупе и таким образом сами добровольно стеснили предоставленную им свободу совещаний. Видно, что серьезное, строгое отношение к делу нам еще новое. Что-нибудь одно: или комитеты – пустая формальность, или это дело большой важности. Если это дело такой важности, то комитеты могли сами понять, что правительство, созывая депутатов, желало слышать свободный голос сословия, узнать его мнения, нужды и потребности; что ожидания и требования правительства не могли бы быть исполнены, если бы голос этого сословия был не свободен, если бы комитеты заранее определили и тон, и формулу, и содержание речи. Это все равно что заставлять поэта писать на заданные рифмы. Но ничего подобного не было, чему, повторяем, служит доказательством прямой и открытый образ действий Тверского комитета. Очевидно, что такое неправильное отношение к задаче должно было иметь невыгодное действие на занятия комитетов.

Вся деятельность их обратилась на то, чтобы как-нибудь уложиться в невозможную рамку, чтобы преобразуемый живой быт мог, хотя бы съезжившись и скорчившись, упряматься, уместиться в мнимую обязательную мерку. Такая мерка, конечно, не могла удовлетворить ни защитников, ни противников освобождения, ни крестьян, которых воззрения в настоящем случае не лишены некоторой практической важности. Что же вышло?

Вышло, что все стали в фальшивое положение: защитники освобождения, не желая увеличивать собою число противников, не желая затруднять правительство во благом предпринятом им деле, должны были постоянно ломать себе головы, делать невероятные усилия и напряжения мысли, насиловать ум и логику, чтобы как-нибудь войти в ошибочно ими понятые пределы, как-нибудь сдвинуть с колеса* старый порядок, чтобы добиться хоть какой-нибудь уступки в смысле улучшения крестьянского быта. Эта тяжкая работа была в то же время лишена и искренности, ибо никто из них не верил и не верит в практическую применимость "положения", изготовляемого не на основании выкупа. С другой стороны, противники освобождения, в этом самом воображаемом стеснении свободы совещаний, находили оправдание своему противодействию, прикидывались угнетенными и тем самым возбуждали к себе сочувствие большинства. В некотором отношении они даже были и правы, ибо то, что предлагалось взамен уже сложившегося, векового порядка вещей являлось, даже по собственному внутреннему сознанию искренних защитников освобождения, очевидно несообразностью. Можно было заранее, а priori, сказать, что все положения комитета, сочиненные при таких условиях, будут не-приложимы к делу и исполнены противоречий. Например, за землю, отдаваемую крестьянину в пользование, он должен отбывать повинность помещику деньгами или работой! Денег у мужика мало – стало быть, работой, стало быть, барщиной. Раз признавали барщину в новом устройстве, вы непременно должны признать за помещиком право

Аксаков Иван Сергеевич Статьи из Паруса aksakovivan.ru
наказания, которое, чтобы достигать цели, должно быть свободно от контроля, налагаемо быстро и без помехи, в рабочую пору; одним словом, допущение барщины целью логических выводов вынуждает признание помещичьего произвола, телесных и других наказаний и тому подобных атрибутов власти, без которых барщина есть нелепость; хорошо же улучшение быта! напротив, это ухудшение, ибо крестьянин при всем этом лишается права требовать от помещика помощи в голодную пору и защиты в судах и перед полицией!

* В рукописи, кажется, "с колеи".

Точно то же было и с литературой. Стесненная в своих суждениях определенными указаниями, она, по необходимости, круглый год толковала о самых мелочных вопросах, вертелась около усадьбы и выгонов и старалась найти хоть какой-нибудь примирительный выход из заданной проблемы.

Но, наконец, эта несообразность, как и должно было того ожидать, была почувствована всеми. Правительство вяло, наконец, общемуговору. По крайней мере мы знаем наверное, что редакция "Сельского Благоустройства" (вероятно, как и все другие журналы) получила официальное разрешение помещать статьи и проекты о выкупе крестьянской поземельной собственности. Частным образом известно, как мы уже о том сказали, что комитет Тверской губернии занимается составлением проекта о выкупе. Остается жалеть, что некоторые комитеты уже окончили свои занятия, не разъяснив пределы своей свободы в совещаниях, а другие до сих пор истощаются в бесплодной работе найти разрешение задаче вне выкупа.

По нашему мнению, было бы полезно разъяснить это недоразумение гласно. Зачем оставлять в таком неудобном и тяжелом сомнении целое сословие?

Таким образом, для успешного хода дела нам казалось бы необходимым:

1) Предоставить всем Комитетам право толковать и представлять проекты о выкупе земли не усадебной только, но и полевой с покосами, не в пользование, но в собственность крестьян. Правительство, без сомнения, не отступит от своих начал (то есть наделения крестьян землею), но, требуя мнений, оно, конечно, не стеснит свободы суждений?

Проект Комитета может быть не принят или изменен в видах государственной пользы, но самое совещание, разумеется, будет свободно.

2) Предоставить полную свободу печатному слову как в пользу, так и против освобождения. Если еще и существуют такие несчастные, которые хотят удержания помещичьих прав, Бог с ними! Пусть себе пишут на здоровье, коли умеют. Пусть вместо того, чтобы ворчать в углу, выступят они на публичную арену, пусть завяжут литературную борьбу, пусть доставят над собою победу логике, здравому смыслу, истине. Путь свободного взаимного убеждения ведет к самым прочным завоеваниям мысли.

3) Водворить полную гласность и публичность в губернских Комитетах. Это необходимо для предупреждения ложных толков и слухов. Секрета заседаний соблюсти невозможно - кое-что да проникнет за стены комитетской залы, и это кое-что, переход в общее ведение, нередко представляет дело в искаженном виде. Впрочем, сколько нам известно, едва ли не во всех Комитетах допущено присутствие посторонних слушателей, с большею или меньшею свободю, кроме Тульского и Московского (последний уже окончил теперь свои заседания). В Орле, например, всякий может явиться в залу, на хоры, или в галерею, по билетам от губернского предводителя, выдающего их без всякого затруднения, о чем было даже напечатано в "Московских Ведомостях". Честь и слава орловскому дворянству; видно ему нечего стыдиться общественного слуха. В Твери, в Казани, в Харькове почти тоже самое. Такое присутствие посторонних слушателей и свидетелей не имело нигде вредных последствий и, без сомнений, может только предотвратить разные неприятные случаи, бездействие, излишнюю запальчивость прений и тому подобные явления.

Нам особенно прискорбно за Москву. Отчего, в противоположность другим Комитетам, в Комитете ее не было гласности, а, напротив того, бесполезное и неуместное

Аксаков Иван Сергеевич Статьи из Паруса aksakovivan.ru
секретничанье? Отчего произошло это? Какая тому причина? Какой злой демон виною
в отсталости в великом крестьянском деле?.. Покуда помолчим, но история, без
сомнения, разоблачит тайну и доищется причины.

Теперь посмотрим, какие Комитеты уже окончили свои занятия и какие переходы еще
предстоят этому делу до окончательного разрешения... Но наша статья и без того
велика, а потому отложимте нашу беседу до следующего номера.

Первая статья опубликована впервые: Парус. 1859. № 1. 3 января.
Вторая статья – Парус. 1859. № 2. 10 января.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://aksakovivan.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!